Магия Дикоземья

Ученик поневоле

АМАНДА ФУДИ

#эксмодетство

Магия Дикоземья

Аманда Фуди

Ученик поневоле

«Эксмо»

2021

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Фуди А.

Ученик поневоле / А. Фуди — «Эксмо», 2021 — (Магия Дикоземья)

ISBN 978-5-04-175765-6

Баркли всю жизнь больше всего на свете ненавидел чудищ и чудологов, которые ими управляют. Ведь именно из-за них он остался сиротой и вынужден был стать подмастерьем грибного фермера. И когда Баркли случайно зашёл слишком далеко в лес, столкнулся с девочкой-чудологом и по ошибке получил метку чудища, всё это было похоже на самый страшный кошмар. Теперь, чтобы избавиться от метки (и спрятанного в ней чудища-компаньона – ух, вот же жуть!) и вернуться к привычной жизни в родном Занудшире, Баркли придётся отправиться в город чудологов и поучаствовать в соревновании, которое решит его судьбу – быть ему тихим бесполеземцем или великим чудологом…

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-175765-6

© Фуди А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 30
Глава 7 33
Глава 8 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Аманда Фуди
Ученик поневоле

Amanda Foody
THE ACCIDENTAL APPRENTICE
Text copyright © 2021 by Amanda Foody
Illustrations copyright © 2021 by Petur Antonsson
All rights reserved, including the right of reproduction in whole or in part in any form.
© Дёмина А.В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ДЖЕЛЛИ-БИН, МОЕМУ БЕСПОЩАДНОМУ ЧУДИЩУ СНА, ПОЧЁСЫВАНИЙ ЖИВОТА И БЕШЕНЫХ ЗАБЕГОВ ПО КОМНАТАМ

Глава 1

Баркли Торн знал о грибах почти всё, а известно о них было много.

Он знал, что ядовитые грибы никогда не растут на деревьях. Что от красных в белую крапинку вырастают бородавки между пальцами ног, а белые в красную крапинку бородавки вылечивают, вместе с рубцами и всевозможными прыщами и гнойничками. Он также знал, какие грибы вызывают сонливость или туман в голове, а какие могут буквально убить, если не соблюдать осторожность.

– Почему ты не записываешь? – зашипел Баркли на Селби.

Оба мальчика были учениками высокоуважаемого в их городке грибного фермера, но так как Баркли был старше и умнее, он был в их паре главным. И относился к своей роли очень серьёзно.

– Я н-не могу писать и шагать одновременно, – промямлил Селби, тиская в пальцах перо.

Селби был… одним словом, розовым: розовый нос и розовые щёки делали его похожим на ощипанную курицу, что лишь подчёркивали короткий светлый «ёжик» на голове и коренастая фигура.

Баркли был его полной противоположностью. Несмотря на разницу в три года, он был таким маленьким и худощавым, что Селби грозил перерасти его уже к следующей весне. Тёмные глаза на белом как полотно лице казались чернильными кляксами, а длинные, до плеч, чёрные волосы были зачёсаны по бокам назад и напомажены, чтобы ни единая прядь не выбивалась.

Он не понимал, что такого сложного в том, чтобы писать и шагать одновременно. Едва ли это было сложнее чтения на ходу, а Баркли редко можно было увидеть идущим куда-то без открытой книги в руке.

Двоим ученикам поручили крайне важное задание: найти редкий гриб под названием «траурный сморчок», и для этого они отправились к Лесу.

Именно так, с большой буквы, потому что никакая роща или бор с ним и рядом не стояли. Лес был таким огромным, что не помещался ни на одной карте, и таким опасным, что даже самые отчаянные искатели приключений не осмеливались его исследовать. Его бескрайная чаща исполинской тенью подступала к их городу с запада.

Серые деревья по его краю внушали ужас одним своим видом: будто измятые и погнутые безжалостной рукой гиганта стволы и тянущиеся к пасмурному небу, как когтистые лапы, ветви. Здесь царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь шорохом устилавших землю листьев да хрустом сучков под ногами. Сейчас была самая пора сбора траурных сморчков, тот короткий промежуток времени, когда листья уже все облетели, но первый снег ещё не выпал.

Селби запнулся о корень и врезался Баркли в спину.

– Писать и шагать одновременно было бы намного проще, если бы ты не оглядывался постоянно через плечо, – проворчал Баркли.

– Но мы уже так близко. А ты знаешь, что мастер Пилцманн скажет, если…

– Мы не в Лесу. И до города рукой подать, – указал Баркли себе за спину, на их маленький городок на холме за каменной стеной, ощетинившейся копьями, как огромный колючий куст. Добродушию жители Занудшира, похоже, тоже учились у колючек. Любые проявления лени здесь строго карались, так что одна даже идея вздремнуть днём считалась возмутительной. Всех гостей принимали в штыки, ведь это могли быть сборщики налогов, циркачи, а то и ещё кто похуже – чудологи.

Единственное, что жители Занудшира любили, так это правила. Но насчёт Леса правило было всего одно.

Никогда и ни при каких обстоятельствах в него не заходить.

Потому что Лес заморочит тебе голову при первой же возможности и заведёт в такую глубокую чащу, что ты уже никогда не найдёшь дорогу назад.

А в чаще Леса обитали чудища.

Но Баркли был послушным учеником, и у него и в мыслях не было нарушать самое главное правило Занудшира, и уж точно не после всех тех неприятностей, что принесло ему нарушение многих других, не столь важных. Он пришёл сюда с одной целью – найти траурный сморчок. С помощью Селби или без неё, но он это сделает.

Баркли искренне недоумевал, зачем мастер Пилцманн настоял на том, чтобы Селби пошёл с ним, не говоря уже о том, зачем он в принципе взял себе второго ученика. Занудшир не нуждался в двух грибных фермерах. Когда мастер Пилцманн уйдёт на покой, его место займёт Баркли, и никак не Селби.

Потому что Баркли из кожи вон лез, чтобы быть идеальным учеником: он аккуратным почерком вёл подробные записи, зазубрил все виды грибов из всех девяти томов «Грибной энциклопедии грибника». Сам мастер Пилцманн называл его самым трудолюбивым мальчиком за всю историю Занудшира.

Именно поэтому Баркли не желал возвращаться с пустыми руками. Ему необходимо было доказать своему мастеру, что одного ученика более чем достаточно.

– Я не собираюсь возвращаться. Ещё рано, – заявил Баркли, решительно шагая к кромке деревьев.

Селби заскулил, но поплёлся следом.

Как старший ученик, Баркли должен был не только учить Селби, но и поддерживать его и утешать. Селби ещё никогда не бывал рядом с Лесом, и даже Баркли, несмотря на ведь его опыт, слегка пугали эти искорёженные деревья.

Но ему никак не удавалось проникнуться к младшему мальчику симпатией. У Селби была куча братьев и сестёр, которые его любили. Родители, которые о нём заботились. Своя комната в доме. Тогда как у Баркли ничего этого не было. Точнее, была комната, пока мастер Пилцманн не подселил к нему Селби.

В Занудшире не было детского дома. Хочешь ужин на столе и кровать на ночь? Работай. Вот Баркли всю свою недолгую жизнь и работал. Расставлял возвращённые книги в библиотеке, записывал новые правила под диктовку законодателей, доставлял новые копья стражникам. И хотя он был старательным во всём, когда ему пришло время выбирать, к какому мастеру пойти в ученики, ни у кого в Занудшире не нашлось для него места. Будущее собственных детей волновало их куда больше, чем судьба жалкого сироты, вечно нарушающего правила.

Тогда Баркли постучался в дверь мастера Пилцманна и попросился к нему в ученики, прекрасно зная, что никто в городе не хочет себе такую работу. Мастер Пилцманн отказался, и так повторялось снова и снова. Но Баркли продолжал приходить, пока наконец не переупрямил старика.

И два года всё шло хорошо, а затем объявился Селби. И хотя он и сейчас при первом же удобном случае ударялся в слёзы и бежал домой, мастер Пилцманн его так и не прогнал.

– Скоро стемнеет, – заныл Селби.

– До темноты ещё несколько часов, – возразил Баркли.

– Мне холодно.

– Сейчас зима. Чего ты ожидал?

– Я есть хочу.

– А как же обед?

– Я отдал его Густаву.

Густавом звали свинью мастера Пилцманна, натренированную вынюхивать в земле ценные трюфели. Обычно Густав сопровождал мальчиков в подобные вылазки, но за последний год свинья загадочным образом разжирела, и весь этот лишний вес быстро её утомлял. Поэтому сейчас она целыми днями дремала у камина.

– Так это ты кормишь Густава? – Баркли провёл по лицу рукой. Загадка ожирения свиньи была раскрыта, а он в очередной раз убедился, что во всех его проблемах был виноват Селби.

– Я не люблю грибы! – пожаловался Селби. – Они склизкие и на вкус как грязь!

Баркли ушам своим не поверил.

– Тогда зачем ты здесь?! – сорвался с его языка вопрос, что мучил его целую вечность. В его возгласе было немало личной обиды – он сам очень любил грибы.

Розовое лицо Селби ещё пуще порозовело, и он разрыдался.

– Мама сказала, что это достойная профессия.

На секунду Баркли даже стало его жаль: кто же взваливает такую ответственность на восьмилетнего мальчика?

Но ему нельзя было отвлекаться. Он хотел остаться учеником, и ему некогда было жалеть кого-то ещё, кроме себя. Эта работа гарантировала ему место в Занудшире, а каким бы захолустным, отсталым и помешанным на правилах он ни был, это был его родной город. Баркли никогда его не покинет.

Когда Баркли был ещё совсем маленьким, пока ещё были живы родители, он мечтал о приключениях. Часами воображал себе мир за колючими стенами Занудшира, другие города и королевства в далёких землях по другую сторону Леса.

Но его родители любили Занудшир, и они бы не желали своему единственному ребёнку жизни, полной неопределённости и опасностей. Поэтому Баркли решил не идти против их воли и постарался забыть о жажде приключений, сконцентрировавшись вместо этого на том, чтобы остаться на родине. И стать здесь своим.

Баркли мысленно вернулся к поискам сморчка, и следующие несколько минут прошли в тишине, не считая перестука зубов, шмыганья и урчания в животе Селби.

Заметив похожий гриб, Баркли остановился и опустился на колени, чтобы лучше его рассмотреть. Внезапно Селби хлопнул его по плечу:

– Смотри! Смотри!

Баркли отмахнулся и, достав тетрадь грибника, сравнил рисунок с грибом перед собой. Мальчик нахмурился. Ему нужна была ярко-красная шляпка, а у этого она была тёмно-красной. Сбор грибов – наука очень точная.

Однако он всё равно выкопал его и положил в корзинку.

«Ну вот опять», – рассердился на себя Баркли, глядя на забившуюся под ногти грязь. Мастер Пилцманн не выносил, что он всегда приходил домой весь перепачканный и что его волосы начинали напоминать гнездо через считаные часы после причёсывания.

– Повторяй за мной, – не уставал цитировать мастер Пилцманн свод законов Занудшира. – «Запрещена грязь во всех её проявлениях – никаких пятен, никакой вони, никаких неприличных выражений. Чистота – есть порядок».

– Баркли! – взвизгнул Селби, и Баркли наконец поднялся и развернулся.

Трава между ними и Занудширом ожила: между стеблями светились белым дюжины – нет, сотни – пар крошечных глаз.

Ковёр из листьев под ногами мальчиков задрожал и пошёл волнами из-за пробегающих под ним существ. Селби запрыгал с ноги на ногу, как будто стоял на раскалённых углях, и завыл:

– Баркли-и-и-и-и-и!

Но Баркли не шевелился, его взор приковало к себе сидящее на камне существо, похожее на мышь, только без хвоста и с шестью закрученными в спирали шипами на спине.

Ему уже приходилось видеть чудищ. Осенью особенно сильные порывы ветра иногда выдували из Леса мерцающих насекомых, от чьих укусов кожа отекала и зеленела. Однажды он заметил стаю летящих клином крылатых монстров, направляющихся в тёплые края на зимовку, после них в небе остался след из переливающегося дыма. А ещё время от времени особенно кровожадные чудища по ночам выходили из Леса, чтобы попировать в курятниках и загонах с козами.

Когда Баркли было четыре года, легендарное чудовище Гравальдор в день середины лета уничтожило Занудшир. Самого Гравальдора Баркли не видел, но помнил, как под мощью его рёва рушились городские стены. Чудище зубами срывало с домов крыши, вонзая клыки в камень с такой лёгкостью, будто это масло. Под влиянием его колдовской силы земля вспучилась, из-за чего их построенный когда-то на равнине город теперь стоял под углом на холме.

Это из-за Гравальдора Баркли остался сиротой.

С тех пор знания о злых чудищах оказались в Занудшире под запретом. На постоялых дворах путникам при одном их упоминании давали от ворот поворот на случай, если они вдруг окажутся чудологами, презренными негодяями, дружащими с ужасными монстрами и творящими с их помощью колдовство. Детей, играющих слишком близко к Лесу, наказывали. Даже все библиотечные книги о чудищах сожгли, окончательно переведя их в разряд страшилок и домыслов.

– Я думал, ч-чудища не покидают Лес, – простонал Селби.

– Обычно нет.

За все свои прогулки вдоль Леса Баркли ни разу не встретил ни одного из них.

Но до дня середины зимы оставались считаные недели, а все знали, что в этот период, как и в преддверии его летнего брата, чудовища всегда вели себя непредсказуемо.

Баркли сделал осторожный шаг навстречу похожему на мышь существу, помня о лежащем в кармане амулете против монстров, хотя доставать его сейчас было уже поздно.

– Не паникуй, – сказал он Селби. – Они перегородили нам путь назад в город, но мы что-нибудь придумаем…

Вот только Селби пропустил его слова мимо ушей. Уронив тетрадь и перо, он развернулся и рванул со всех ног.

Прямо в Лес.

Сотни глаз в траве, казалось, одновременно моргнули. Баркли, задрожав всем телом, бросил тоскливый взгляд на Занудшир. Селби убежал. В Лес. Если Баркли удастся каким-то образом обогнуть этих ужасных созданий, он сможет предупредить стражников, защищающих город от чудищ. У Селби всё-таки были родители и семья. Горожане соберутся и отправятся за ним с вилами наперерез.

Но прежде чем Баркли успел что-то предпринять, одна из мышей прыгнула ему на ботинок.

И пискнула.

Баркли заорал.

Дёрнув ногой, он смахнул с себя гадкое существо и бросился стремглав за Селби. Стоило пересечь первую линию деревьев, как вокруг немедленно стало темно: узловатые ветви спле-

тались над головой, не пропуская солнечные лучи. Если снаружи воздух был просто холодным, то здесь правил леденящий кожу туман.

Баркли был маленьким для своих одиннадцати лет, что делало его лёгкой добычей для ребят постарше, ищущих, над кем бы поизмываться. Им всегда было в радость вырвать страницы из взятых им в библиотеке книг или отобрать монеты, что он копил на булочки с яблоками.

Если, конечно, им удавалось его поймать.

Потому что, когда Баркли бежал, даже пастушьи собаки с трудом могли за ним поспеть. Вот и сейчас он молнией пронёсся по лесистым холмам и легко нагнал мечущегося между серыми деревьями Селби.

Вслед за ним по ковру из листьев бежали порождённые ветром волны. Деревья будто специально росли под углом вглубь Леса, чтобы заманить потерявшего от страха голову мальчика в самую чащу.

– Селби! – закричал Баркли.

Аккуратно зачёсанные назад волосы растрепались и хлестали мальчика по лицу. Дующий в спину ветер подгонял, словно не прочь был подхватить его и понести вместе с листьями.

– Селби, стой!

Баркли уже не мог различить позади ни намёка на просвет. Куда ни посмотри, вокруг были одни деревья да туман.

«Мы нарушили правила, и теперь мы умрём», – мелькнула в голове паническая мысль. Даже если они каким-то чудом выберутся из Леса невредимыми, как они объяснят, где пропадали? Селби и Баркли совершенно не умели лгать.

Внезапно Селби остановился. Баркли резко притормозил, но всё равно врезался в него, и мальчики покатились спутанным клубком из листьев, ног и сучьев по заросшему колючками склону, оставляя за собой след из высыпавшихся из корзин грибов. Их истошные вопли оборвались, лишь когда их неуправляемый спуск остановило поваленное дерево.

– О чём ты только думал?! – рявкнул Баркли, спихивая с себя Селби. – Мы могли себе шеи переломать! И…

Селби придушенно взвизгнул и, вскочив, дал стрекача назад по склону.

– Что?.. – Баркли обернулся, чтобы посмотреть, что его так напугало, и оцепенел.

На стволе поваленного дерева стояла девочка.

А на плече у неё сидел дракон.

Глава 2

Пусть в Занудшире сожгли все книги о чудищах, но даже Баркли слышал истории о драконах, бросающих своих истошно вопящих жертв в жерла вулканов, утаскивающих их в логова, полные золота, или поджаривающих, чтобы потом скормить обугленные останки детёнышам.

Баркли не планировал купаться в лаве, оказаться погребённым под сокровищами или пойти на корм маленьким дракончикам, поэтому поступил так, как подобает любому смекалистому ученику при встрече с опасностью: схватил лежащий рядом гриб и швырнул его девочке в голову.

И промахнулся – у Баркли всегда были проблемы с меткостью. Что ещё хуже – девочка поймала гриб и раздавила его в кулаке.

Баркли сглотнул.

– Хм-м. Я собиралась спросить, в порядке ли ты, – процедила девочка, – но теперь передумала.

На вид она была ровесницей Баркли. Смуглая кожа, цепкие тёмные глаза и коричневые кудряшки, затянутые в два узла по бокам головы. Большинство жителей окрестностей Леса были белокожими, но в Занудшире встречались люди и с другим оттенком кожи. Но чего Баркли никогда ни на ком не видел, так это такого количества золота. Пальто девочки было усыпано всевозможными брошками, пуговицами и значками, практически полностью закрывающими собою ткань. На его глазах дракон на плече девочки ткнул когтем в блестящую застёжку на сумке.

Хотя, присмотревшись внимательнее, Баркли уже не был столь уверен, что это существо действительно было драконом. Да, его тело покрывала серебристая чешуя, но из хвоста росли перья, и размером оно едва ли превосходило ворона. К тому же он никогда не слышал, чтобы драконы жили в Лесу.

Но даже не будучи драконом, это существо оставалось чудищем. Которому ничего не стоило спорхнуть и откусить ему голову, чуть он зазевается.

Баркли отполз задом наперёд по шуршащим листьям и, выхватив из кармана амулет, замахал им из стороны в сторону. От верёвки, в которую были вплетены особые травы и веточки, потянуло жуткой вонью, как от скунса.

– Прочь от меня, дракон!

– Дракон! – расхохоталась девочка и почесала чудище под клювом. – Нашёл кого бояться: Митзи ещё детёныш! Но всё равно спасибо за комплимент.

Баркли скривился: у этого чудища было имя? Это же не домашний питомец, а кровожадный убийца!

И тут его осенило, кто перед ним.

– Ты чудолог! – выпалил он, с трудом выпрямляясь на дрожащих ногах. – Вы колдуете с помощью чудищ. Дружите с ними.

Каждое слово оставляло на языке прогорклый привкус. Драконы были не единственными героями городских страшилок, рассказываемых шёпотом, по секрету. Чудологи верили, будто могли контролировать чудищ, но приручить их было невозможно – дикая натура всегда брала верх. В половине баек, услышанных Баркли, чудологи погибали, преданные своими чудищами, после чего, лишённые своих так называемых друзей, те безнаказанно обрушивали разрушительные колдовские силы на ни в чём не повинных людей, которым не повезло оказаться рядом.

Именно так заканчивалась история о Великом огне в Безотрадефельде, унёсшем жизни семи несчастных. И о бедном мэре Тусклфурта, превращённом в камень. И о месте, когда-то известном как Тягостдорф, которое в буквальном смысле стёрли с лица земли.

Девочка закатила глаза.

– Ты прямо как форель, проклинающая зимнюю лавину.

– Бессмыслица какая-то, – сухо заметил Баркли.

– Ой, ну, в моём родном языке это распространённое выражение, – к его удивлению, отозвалась девочка. Говорила она без малейшего акцента. – Так говорят о неблагодарных людях. Думаешь, кто защищает ваши королевства от чудищ? Чья магия не даёт им покинуть Лес?

Баркли не доверял колдовству – или магии, какая, собственно, разница? – и не сомневался, что все в Занудшире ужаснулись бы, узнай они о происходящем здесь.

Девочка фыркнула и, отвернувшись, склонилась над выставленными на стволе стеклянными банками с загадочным содержимым: побегами остролиста с похожими на кристаллы ягодами, перьями с металлическими кончиками, мёртвыми жуками размером с кулак Баркли, крапчатым яйцом в янтаре и чем-то вязким и зеленоватым, бурлящим как кипяток даже посреди зимнего дня.

Последняя банка была пуста. Девочка встала перед ней и принялась рыться в сумке.

Баркли не было никакого дела до её колдовства, и, развернувшись, он быстрым шагом поднялся по склону. Селби ждал его на вершине, прячась за деревом.

– У неё дракон. – В его голосе страх мешался с восхищением.

– Который в один прекрасный день, скорее всего, её сожрёт, – проворчал Баркли.

– Митзи никогда этого не сделает! – закричала девочка. – Она вегетарианка.

Баркли сильно в этом сомневался. Схватив Селби за запястье, он потащил его прочь, но не удержался и обернулся. Девочка достала из сумки гриб и как раз опускала его в последнюю банку. У него была коротенькая округлая ножка и красная шляпка.

Траурный сморчок.

Едва ли чудолог вроде неё имел хоть малейшее представление, какой ценный это был гриб. Она его не заслуживала. Позабыв о страхе, Баркли решительно сбежал назад к поваленному дереву и требовательно спросил:

– Ты знаешь, что это?

Девочка замерла и подняла на него глаза.

– Траурный сморчок, – с ноткой гордости в голосе ответила она.

– Да. Мы целый день его ищем. Если отдашь его мне, я не скажу никому в Занудшире, что в Лесу болтается чудолог.

Баркли протянул руку, чувствуя, как горит лицо. Он всегда заливался краской, когда лгал. С грибом или без, конечно же, он расскажет горожанам о девочке. И те с вилами наперевес прогонят её с чудищем куда-нибудь подальше.

– Будто кто-то из них осмелится зайти в Лес и найти меня, – бросила девочка и ловко схватила банку, когда Баркли метнулся к ней.

– Отдай!

– Ни за что. Это я его нашла!

– Он тебе даже не нужен!

– Ещё как нужен! Для ловушки!

Баркли недоверчиво хмыкнул. Что она планировала поймать этими банками? Светящихся жучков?

– И что же ты ловишь?

– Гравальдора.

Желудок Баркли скрутил холод покрепче, чем лютовал вокруг. Если ей удастся приманить Гравальдора, Занудширу будет грозить повторение трагедии семилетней давности. Баркли и так слишком много потерял из-за этого чудища и не мог допустить, чтобы его дом уничтожили снова.

Он взобрался на поваленное дерево. Попутно выяснилось, что девочка была выше его, но ему было к этому не привыкать. Он шагнул к ней, и дракон – Митзи, подумать только! – оскалился и зашипел, как змея.

– Не вздумай это делать! – приказал Баркли.

– Тебя забыла спросить! Мы станем с Гравальдором партнёрами, как с Митзи. – Она закатала рукав, показав светящуюся золотую татуировку на предплечье, точную копию её дракона. – Гравальдор – легендарное чудище Леса. И с ним я…

– Ты хочешь стать с ним партнёрами? – испуганным фальцетом переспросил Баркли. Одно упоминание Гравальдора потянуло за собой поток воспоминаний о родителях: как мама бережно переворачивала страницы книги, читая на уроках своим ученикам, как папа пёк для Баркли яблочные угощения в награду за новое выученное правило. Если бы не Гравальдор, они бы до сих пор были живы. Если бы не Гравальдор, у Баркли всё ещё была бы семья.

Он желал лишь одного: пойти по стопам родителей. Потому что в глубине души верил, что если будет очень сильно стараться и следовать правилам, то станет к ним ближе. И заслужит себе место в Занудшире, отнятое у него с их смертью.

Его уже не волновали опасности. Или траурный сморчок. Или грязь под ногтями.

Он должен был её остановить.

– Ты всех убьёшь! – вскипел Баркли. – Гравальдор не похож на твоего дракона…

– Говорю же, она ещё детёныш…

– Он огромный! Выше деревьев и с клыками с тебя или меня! Он сильнее всех чудищ Леса и сожрёт тебя прежде, чем ты успеешь пожалеть о том, что наделала!

Девочка прищурилась.

– Откуда ты столько знаешь? Ты всего лишь… фермер этих… – Осёкшись, она сосредоточенно нахмурилась. – Как это слово на вашем языке? Такие склизкие штуки? Гб… гр…

– Грибы? – нетерпеливо договорил он.

– Да! Ты всего лишь грибной фермер.

– Я знаю, потому что Гравальдор один раз уже уничтожил наш город. – Баркли не стал упоминать родителей, потому что о таком незнакомцам не рассказывают. Но жители Занудшира были правы: все чудологи были эгоистами, не приносящими с собой ничего, кроме бед.

Взгляд у девочки слегка потеплел, но она всё равно решительно подошла к Баркли и ткнула ему пальцем в грудь так, что тот покачнулся.

– Я должна это сделать, и ты меня не остановишь. – Митзи на её плече согласно пискнула. Девочка сделала ещё шаг вперёд, вынуждая Баркли отступить к концу ствола. – Если бы ты только знал, сколько трудов мне стоило найти все эти ингредиенты, но я справилась. – Она помахала перед его лицом банкой с траурным сморчком. – Они заманят Гравальдора в ловушку. Мой план идеален.

Не считая того, что шляпка гриба при ближайшем рассмотрении оказалась более тёмного оттенка, чем нужно.

– Стой!..

Но девочка, не слушая, пихнула Баркли с дерева, и он рухнул плашмя на землю. В спину ему больно вонзилась сосновая шишка.

– Стой! – прохрипел он. – Это не…

Но девочка уже поставила банку в ряд к остальным ингредиентам.

Внезапно из Леса раздался вой.

Баркли вскочил, как ужаленный. Деревья справа задрожали. Затем из теней слева донёсся топот. Что-то пронеслось там так быстро, что глаза уловили лишь размазанный силуэт.

– Баркли-и-и-и-и! – заскулил Селби с холма.

Баркли взмахом руки призвал его замолчать. И услышал у себя за спиной чьё-то дыхание. Сменившееся низким горловым рычанием.

С колотящимся сердцем он вцепился пальцами в амулет в надежде, что тот, как обычно, приглушит панику и поможет придумать, как выпутаться из опасной ситуации.

Но затем за деревьями вспыхнула пара глаз.

И все мысли покинули Баркли.

Девочка спрыгнула со ствола и зашептала:

– Когда Гравальдор подойдёт к банкам, их магия поймает его, и я смогу…

– У тебя не… – начал Баркли, но рычание и шиканье девочки не дали ему договорить. Однако его правоты это не отменяло. Гравальдор был слишком огромным, чтобы спрятаться за деревьями. А этот гриб в банке точно не был траурным сморчком.

В любом случае, всё это было неважно. Гравальдор или нет, к ним подбиралось какое-то чудище, и им всем скоро придёт конец.

Девочка вытянула перед собой руки ладонями вперёд, будто надеялась приручить его, как щенка.

– Митзи, помоги мне.

Маленький дракон тихо фыркнул.

– Митзи, мы же договаривались! – прошипела девочка. – Я не смогу стать Верховным чудологом с одним чудищем! – Не дождавшись реакции от дракона, она добавила: – Но я всегда буду любить тебя сильнее всех!

Это, похоже, успокоило Митзи. Она присела на плече девочки, готовая атаковать кружащего за деревьями монстра. Девочка глянула на Баркли.

– Ни звука. Не двигайся. Ещё не хватало его вспугнуть…

– Баркли-и-и-и-и! – снова взвыл Селби.

Всё произошло так быстро, что, казалось, заняло не больше секунды.

Что-то выскочило из Леса, нацелив в них жуткие когти.

Из пасти Митзи вырвался луч света, такой яркий, что Баркли невольно зажмурился.

Но даже не видя, он бы всё равно узнал это рычание. Раскатистое и угрожающее. Именно с таким звуком мальчишки-задиры наступали на Баркли, загнав его в тупик. То была песня триумфа. Сигнал, что хищник нашёл свою жертву.

Шею Баркли обожгло горячим дыханием.

Он побежал.

Он знал, что этого нельзя делать. Многие дикие звери нападают из одного лишь соблазна погони. Баркли практически предлагал чудищу собой отобедать. Но страх затмил его разум и лишил контроля над телом.

Позади земля стонала под тяжёлыми лапами, но обернуться Баркли не посмел и лишь прибавил скорости. Он ещё никогда так быстро не бегал. Деревья по бокам превратились в сплошную серую полосу, встречный поток воздуха, всегда хлещущий по лицу и путающий волосы, как-то подозрительно стих. Если бы Баркли не знал, что это невозможно, он бы поклялся, что умудрился разогнаться быстрее ветра.

А затем он снова увидел ту самую пару глаз. Только не сзади, а сбоку от себя.

Чудище не гналось за ним. Оно бежало с ним.

Это озарение так его потрясло, что Баркли запнулся и рухнул лицом в землю. Застонав, он перевернулся на спину, и последним, что он увидел, была пасть, полная чёрных зубов.

Глава 3

Проснулся Баркли весь засыпанный листьями, под шумное дыхание Селби и девочки.

– Он мёртв! – провыл Селби.

Баркли не сразу смог вспомнить, как он оказался на земле в компании Селби и незнакомки и почему у него всё болит. Затем его взгляд уткнулся в узловатые ветки наверху, и его озарило: он был там, куда ему строго-настрого запрещено было заходить. В Лесу.

Баркли резко сел, но замер от острой боли, прошившей плечо. Рукав был разодран, а вдоль руки тянулась рваная рана, под которой проглядывали золотые блики.

– Где оно? Где чудище? – запаниковал Баркли и принялся озираться, но у него немедленно закружилась голова.

Ноздри девочки гневно раздулись.

– Чудище здесь. – Она ткнула пальцем ему в рану.

– Ай! Зачем ты так?

– У тебя метка. Как у меня.

Она снова закатала рукав и продемонстрировала ему татуировку в виде Митзи. Только теперь метка ожила: золотой дракон на её предплечье переступил с лапы на лапу, свернулся клубочком и зевнул, будто готовился вздремнуть.

Только сейчас Баркли обратил внимание, что на плече девочки больше никто не сидел. Словно дракон каким-то – магическим, очевидно – образом ушёл в татуировку. Баркли едва удержался, чтобы не потереть глаза от невероятности происходящего.

– Я должна была получить эту метку, – продолжила девочка. – Пусть с ловушкой что-то пошло не так, если бы тебя там не было, партнёром люфтхунда была бы я…

– Партнёром? Как чудологи? – Морщась, Баркли оттёр с руки кровь и в ужасе уставился на метку. Он не успел толком разглядеть то чудище, что гналось за ним, но татуировка очертаниями напоминала волка, который вышагивал у него по плечу, угрожающе скалясь.

– Да. Как чудологи, – шумно выдохнула девочка. – Метка – это место пребывания чудища, пока его не призовут во внешний мир.

Будто слыша её, чудище на плече Баркли забилось и щёлкнуло челюстями.

Селби смотрел на него, разинув рот.

– Получается, Баркли теперь чудолог?

– Нет! – прошипел он. Ни за что! Чудища – не партнёры, а безжалостные монстры! Может, он и нарушил самое важное правило Занудшира, но это произошло не по его вине. Он этого не хотел.

Внезапно его замутило. Баркли встал на нетвёрдых ногах, но пожалел об этом решении, когда его тотчас вывернуло наизнанку.

Немного придя в себя, он вытянул к девочке руку, ноющую из-за расцарапанной чудищем раны, и потребовал:

– Убери её с меня.

– С чего мне тебе помогать? – огрызнулась она. – Ты угрожал натравить на меня всех в вашем городе! Ты пытался украсть гриб из моей ловушки! А теперь стал партнёром чудищу, на которое я положила глаз!

– Я ему партнёром не становился! Оно само!

– Это так не работает. Ты его касался? Ты должен был почувствовать искру, не знаю, покалывание? И затем…

– Не было ничего такого! – перебил он. Хотя на самом деле помнил лишь клыки, а дальше – темнота.

– Это Гравальдор? – пискнул Селби.

– Нет, Гравальдор похож на медведя, – закатила глаза девочка. – А его чудище – это…

– Я знать не хочу, что оно такое! – обозлился Баркли. – Просто убери с меня эту метку!

Девочка скрестила на груди руки.

– Я не знаю, как это сделать. Большинству такое и в голову не взбредёт! Большинство мечтает…

Но Баркли не мог дальше слушать, боясь, что его опять стошнит. Он схватил Селби за плечо.

– Идём. Пора домой.

Селби сморщился от его прикосновения, и Баркли, сглотнув, разжал пальцы.

– А если это чудище высвободится? – пробормотал Селби.

– Я… – У Баркли пересохло во рту. Тогда он, Баркли Торн, самый трудолюбивый и проблемный ученик Занудшира, превратится в героя ещё одной городской страшилки. В ещё одного чудолога, источника бед и разрушений.

Девочка потрясла головой:

– Чудища не могут покинуть метку без призыва. Только если они расторгают партнёрство, но это большая редкость! И не заметить это невозможно: метка начнёт чернеть.

Если метка Баркли начнёт менять цвет, это даст ему время покинуть Занудшир и убежать в самую чащу Леса, где деревья безвозвратно его поглотят. И тогда город будет в безопасности.

Вот только в этом случае он окажется в Лесу наедине с безумным чудищем.

Баркли никогда не бежал от ответственности. Более того, каждый год своего ученичества он с нетерпением ждал, когда мастер Пилцманн поручит ему новые обязанности. Всё началось с работы по хозяйству: Баркли научился рубить дрова, кормил Густава и приносил воду из колодца. Когда он стал чуть старше, ему разрешили общаться с покупателями и помогать в грибном подвале. А теперь он возглавлял грибную охоту.

И всякий раз Баркли ловил себя на мысли, что способен на большее. Даже когда ему было трудно и тяжело, его грела мысль, что мастер Пилцманн на него полагается. Слыша, как учитель называет его выдающимся учеником, Баркли всегда ощущал прилив гордости. Больше никто в городе не думал так о сиротах.

Но ещё никогда ему не приходилось нести такую огромную ответственность. Если чудище действительно поселилось на коже Баркли, то его задачей отныне было не допустить, чтобы оно вырвалось на волю. Он должен был уберечь Занудшир… любой ценой.

– Идём домой, – заявил Баркли. Но дрожь в голосе смазала решительный настрой.

– А они тебя примут? – удивилась девочка. – Ты сам сказал, что они погонят меня, потому что я чудолог. А что они сделают с тобой?

Сердце Баркли сковал ужас. Занудшир не делал исключений ни для кого. И уж точно не станет это делать для Баркли, за которого некому вступиться.

– Никто ничего не узнает, – пробормотал он, преисполненный страха и бесшабашной уверенности.

Схватив Селби за руку, он двинулся по лабиринту из серых деревьев. И, возможно, у него просто разыгралось воображение, но ветер будто специально отклонял перед ним стволы, освобождая им дорогу. Словно признал его за своего.

* * *

Лишь у дома мастера Баркли вспомнил, что вернулся с пустыми руками. Им не удалось найти траурный сморчок, а тяжёлые тучи, скрывшие небо, обещали скорый первый снег. Мастеру Пилцманну придётся ждать следующего года.

Снаружи дом выглядел довольно необычно. Во время нападения Гравальдора семь лет назад чудище лапой разнесло задние стены, которые потом пришлось строить заново. Несколько лет спустя мастер добавил второй этаж, где была комната Баркли и чулан, из-за чего в итоге дом напоминал лоскутное одеяло из кирпича, камня и досок. Как и во всех домах Занудшира, на его окнах висели амулеты против чудищ: верёвки с вплетёнными в них бусинками и колокольчиками, что постоянно постукивали и позванивали, отгоняя непрошеных гостей.

Обойдя дом, Баркли и Селби увидели висящую на задней двери листовку.

ВНИМАНИЮ ЖИТЕЛЕЙ ЗАНУДШИРА

С сегодняшнего, 20-го дня зимы, мэрией утверждены четыре новых правила:

• Правило № 1192: на городской площади запрещено чихать.

• Правило № 1193: все домашние животные, утки в первую очередь, должны быть проверены уполномоченными стражниками на предмет колдовских сил чудищ.

• Правило № 1194: Правило № 827 упраздняется. Морковный торт вновь считается полноправным вариантом для праздничного торта.

• Правило № 1195: запрещается называть детей Куттберт с двойной «т» – только Кутберт.

Мальчики сорвали листовку и зашли в кладовку, заставленную корзинами и ящиками с рассортированными грибами. Вся комната пропахла грибами, а грибы – чаще всего – пахли как земля. Это было, пожалуй, единственное помещение во всём Занудшире, которое не соответствовало городским стандартам чистоты, и Баркли его обожал. Ему нравился стоящий здесь запах, и он ничего не имел против грязи.

Прокравшись в гостиную, мальчики увидели там Густава, спящего на коврике перед камином.

Мастер Пилцманн приветственно крякнул из кухни. Облачённый в фартук из мешковины, он мыл грибы в ведре с водой, покачивая длинными, по самую грудь, седыми усами. Будучи самым высоким человеком в городе, в дверных проёмах ему всегда приходилось нагибаться, а по особым случаям он надевал необычной формы круглую шляпу, делающую его похожим на гигантскую поганку.

– Вы поздно, – заметил он, не отрывая глаз от мытья. – Я уже начал волноваться.

Баркли поправил ремень сумки, чтобы рану на плече не было видно, и попытался – безуспешно – пригладить взлохмаченные волосы.

– Простите, пожалуйста. Мы не специально. Просто… – Он сглотнул. Лгать Баркли не любил. – Нам не удалось найти траурный сморчок.

«Это ведь не ложь, – напомнил он себе. – Мы просто не расскажем ему всей правды». От этой мысли легче не стало, но, по крайней мере, его голос не задрожал.

– Вот как? На тебя это не похоже, Баркли, – отозвался мастер Пилцманн. В его тоне не было осуждения, но Баркли всё равно почувствовал себя слегка виноватым. Последнее, чего он хотел, это подвести учителя.

– Простите, – выдавил он. – Этого больше не повторится.

– Не сомневаюсь. Что ж, не забудьте разуться, я только что помыл полы. Ужин на столе. Грибной суп. Наверняка успел остыть, но на вкус это не должно повлиять.

Селби скорчил гримасу.

– Миссис Гавенер из библиотеки заходила сегодня, сказала, что они закупили новые книги. Что-то о приключениях и истории. Очень просила тебе передать, Баркли.

В другой раз Баркли запрыгал бы от радости до потолка, потому что не существовало такой темы для чтения, которая была бы ему неинтересна. И хотя мечты о собственных путешествиях остались в прошлом, читать о чужих приключениях он всё равно любил. Но сегодня его голова была забита другим.

Покончив с грибами, мастер Пилцманн наконец поднял глаза на Баркли и разинул рот при виде всей той грязи и листьев, что покрывали его одежду.

– Мальчик мой, что с тобой случилось?

Баркли покраснел, как всегда бывало, когда он лгал:

– Я… Я упал.

– Опять бегал? Нельзя нарушать столько правил, хочешь, чтобы мэр в девятый раз приговорил тебя к общественным работам? И что это за пятна? Это что… кровь?! Где ты умудрился…

– Я пойду помоюсь! – пискнул Баркли и, поставив корзину на стол, поспешил к колодцу.

Дом мастера Пилцманна стоял на южной границе Занудшира, рядом с городской стеной, поэтому никто не видел, как Баркли с ведром воды закрылся в туалете во дворе, разделся и, дрожа от холода, принялся мокрой тряпкой оттирать с себя грязь.

Через несколько минут в дверь постучали.

– Я принёс тебе чистую одежду, – сказал Селби. – И мазь.

Баркли приоткрыл дверь, совсем немного, только чтобы просунуть наружу руку и схватить подношение, не в настроении даже «спасибо» сказать.

– Метка ещё не почернела? – шёпотом спросил Селби.

«А должна?» С ёкнувшим сердцем Баркли изучил всё такую же золотую, без единого пятнышка, татуировку, блестящую ярче начищенной монеты. Селби явно ожидал, что заключённое в ней чудище в любой момент вырвется на волю.

Метка на плече Баркли пошла волной, будто хотела оторваться от кожи.

Возможно, Селби был прав. Девочка сказала, что это чудологи инициировали партнёрство с чудищем, а не наоборот. Случившееся с ним не поддавалось разумному объяснению. Это была ошибка. А если чудище тоже придерживалось такого мнения, кто знает, что оно устроит, обретя свободу.

– С ней всё нормально, иди уже, – буркнул Баркли. А Селби только и рад был послушаться.

Морщась от боли, он помазал рану, оделся во всё чистое и вышел из туалета. Свитер, как ни обидно – у него их было всего четыре, – пришлось выбросить в мусор: если бы он отнёс его к портной, та бы обязательно спросила, как он умудрился так сильно его порвать.

Внезапно Баркли осенило, что его время действительно было на исходе. Даже если чудище не решит, что с него хватит такого партнёрства, и не съест его, рано или поздно правда выплывет наружу, и одними общественными работами он не отделается. Его жизнь так или иначе была кончена.

Сморгнув слёзы, он вернулся в дом.

Стоило ему сесть за стол, как мастер Пилцманн, кашлянув, спросил:

– Ты помыл руки? Под ногтями тоже?

– Я… – Баркли опустил глаза, сгорая со стыда. Как он ни старался, ему никак не удавалось избавиться от грязи под ногтями.

Со скрипом отодвинув стул, он вскочил, метнулся к раковине и погрузил руки в воду. Он тёр их и тёр, пока кожа не сморщилась и костяшки пальцев не покраснели. Обычно ему не было особого дела до грязи, как и до длины своих волос. Но сейчас один лишь взгляд на руки пробуждал в памяти все события этого дня.

Выковыривая грязь из-под каждого ногтя, он размышлял о том, как столько лет из кожи вон лез, чтобы стать своим в Занудшире, и теперь всё это пойдёт насмарку, и даже не по его вине. Если подумать, сколько Баркли себя помнил, Занудшир постоянно наказывал его за то, над чем он не имел власти. Всё это было ужасно несправедливо.

За ужином они с Селби съели мало – Баркли, потому что от нервов у него пропал аппетит, а Селби – потому что не любил грибы.

– Столько лет я был абсолютно уверен, что морковь у нас под запретом, – говорил мастер Пилцманн, – а выяснилось, что я спутал её с редькой! И как нельзя вовремя, а то я уже не знал, что и думать о миссис Краус. Трудно доверять соседям, когда они продают с прилавка запрещённый продукт…

Баркли, обычно с живым интересом слушающий городские сплетни, сегодня витал в облаках.

В какой-то момент разговор, по всей видимости, исчерпал тему соседей, и мастер Пилцманн наклонился и коснулся всё ещё мокрых волос Баркли. Тот от неожиданности вздрогнул: рука учителя оказалась в опасной близости от метки.

– Сегодня я их тебе отстригу. Слишком уж они отросли… Я знаю, тебе так больше нравится, но мистер Джагер прав: это неряшливо. И…

– Мне нравятся длинные, – перебил Баркли, отстраняясь.

– Но… – Не договорив, мастер Пилцманн вздохнул, и у Баркли упало сердце.

– Я хороший ученик? – тихо спросил он.

– Что? Конечно, хороший, – смягчился мужчина. – Ты чего такой понурый? Подумаешь, не нашёл траурный сморчок – не повезло, бывает! Эти вредные хитрюги вечно…

– Тогда какое имеет значение, что я предпочитаю длинные волосы?

Это прозвучало громче, чем Баркли планировал, но он был зол. Многие правила Занудшира были нужны, потому что оберегали его жителей – в особенности от Леса, – но было немало и совершенно бессмысленных. Баркли был умным и ответственным, и он всегда старался изо всех сил! Ну нарушил он пару глупых правил, что в этом такого страшного? Почему, сколько ни старайся, он продолжал чувствовать себя чужим и никому не нужным?

Мастер Пилцманн побледнел: Баркли ещё никогда не повышал на него голос.

– Просто… ты слишком выделяешься, мальчик мой. Носишься туда-сюда, будто тебе всегда куда-то срочно надо. Вечно грязный, как пастушья собака, сбежавшая в Лес. И постоянно читаешь о приключениях… Ты и сам знаешь, что люди говорят… – Не дождавшись от Баркли ответа, он мягко добавил: – Ладно, забудем о волосах.

Баркли едва не застонал. Дело было вовсе не в волосах, а в том, что учитель, похоже, только и ждал момента, когда он в чём-то провинится. Что весь город только и ждал предлога, чтобы от него избавиться.

– Если я хороший ученик, что он здесь делает? – спросил Баркли, бросив разъярённый взгляд на Селби. Глаза того наполнились слезами. – Ему никогда не стать лучше меня.

Мастер Пилцманн ошеломлённо разинул рот.

– Иди-ка ты в свою комнату, – наконец отмер он, явно в растерянности, как наказать Баркли, ведь до этого момента такой необходимости ни разу не возникало.

Баркли послушался не сразу. Сейчас, как никогда, ему хотелось сорваться и броситься бежать. Бег не хуже амулета от чудищ всегда помогал ему собраться с мыслями. Но он жутко устал и достаточно нарушил правил для одного дня, поэтому молча поднялся по скрипучим ступенькам в мансарду, где спали мальчики.

Той ночью Баркли долго не мог заснуть и всё смотрел на трепещущий огонёк свечи, стоящей на тумбочке между кроватями. Снаружи позванивали на ветру амулеты. Раньше их бряцанье убаюкивало Баркли, но сегодня покоя оно ему не приносило. Будто Баркли отныне тоже считался одним из монстров, от которых амулеты должны были защищать.

– А вдруг оно вырвется, пока ты будешь спать? – прошептал Селби.

Баркли не знал, что тот тоже не спит, и перевернулся на другой бок, спиной к нему.

– Не вырвется. Я буду просыпаться каждый час и проверять.

– Он нас всех съест?

– Нет, – прошипел Баркли. – Спи уже!

– Получается, ты теперь тоже можешь колдовать?

– Селби-и-и…

Ему не хотелось об этом говорить. И думать тоже. Он хотел одного: заснуть, а проснувшись утром, обнаружить, что этого дня никогда не было и скучное течение его жизни вернулось на круги своя.

– Пообещай мне, – попросил Баркли. – Пообещай, что никому не расскажешь.

– Обещаю, – сказал Селби.

Баркли вздохнул.

– Отлично. Прости, что был груб с тобой.

Напряжение слегка спало, и он смог наконец заснуть, не выпуская зажатого в кулаке амулета и надеясь, что этой ночью сны о приключениях обойдут его стороной.

Глава 4

Занудшир был олицетворением слова «слегка». Всё, начиная зданиями и заканчивая фонарями, было слегка наклонено – напоминание о последствиях разрушительных колдовских сил Гравальдора. Дороги были слегка вымощены ненадёжными булыжниками, о которые ничего не стоило запнуться. Часы в башне на главной улице слегка отставали. Городская стена кое-где слегка обрушилась.

А жители его были слегка параноиками.

На всех окнах висели амулеты, на каждом крыльце стояли наготове факелы и вилы.

Идя по улице, Баркли с опаской поглядывал на их острые зубья и боролся с не менее острым желанием снова проверить метку. Утром чудище на коже кружило и билось, как загнанный в клетку дикий зверь, и хотя цвет татуировки не изменился, нервы Баркли всё равно были на пределе. Даже поход в библиотеку не помог успокоиться.

Сидящая за столом миссис Гавенер, библиотекарь, подняла на него глаза. Женщина была болезненно худой, но плотное зимнее пальто и три пары рукавиц, надетых одна на другую, делали её похожей на набитое соломой чучело. Ходила она так круглый год, и Баркли не знал, в чём была причина: то ли в том, что миссис Гавенер постоянно мёрзла, то ли в распирающей её гордости за свои вязальные таланты.

– У тебя всё хорошо, милый? – спросила она. – Ты такой румяный!

Баркли коснулся лица. Оно действительно пылало.

– Я в порядке, – солгал он и ещё пуще зарделся.

Миссис Гавенер отвернулась к стопке книг у себя за спиной и поставила её перед Баркли.

– Нам привезли новые книги! Это «Подробная история сотни королевств»… – Да уж, размерами книга скорее походила на кожаный чемодан. – «Энциклопедия грибных находок»… Мистер Пилцманн оценит… О! А эту я заказала специально для тебя, Баркли.

Она протянула ему приключенческий роман «Мифы чудовищности» с проткнутой мечом головой дракона на обложке.

Обычно подобная история об опасностях и геройствах воодушевила бы Баркли, но сейчас он поморщился от воспоминания о Митзи, девочке и событиях в Лесу.

– Д-думаю, сегодня я возьму историю. – Схватив неподъёмный труд, он не сдержал стона.

Лицо миссис Гавенер разочарованно вытянулось.

– Но тебе ведь нравятся приключения.

– Я не большой искатель приключений, – выдавил он и, поблагодарив библиотекаря, ушёл, сгибаясь под тяжестью огромной книги.

Путь его лежал в сторону мэрии, и чем ближе он к ней подходил, тем красочнее становились улицы вокруг.

Сегодня вечером Занудшир отмечал праздники целых двух королевств. Городок их был таким незначительным, что ни одно из королевств, граничащих с Лесом, не потрудилось офи-

циально признать его своим. Иногда к ним забредал сборщик налогов из ближайшего герцогства, но жители Занудшира встречали его с ровно таким же недоумением, как и торговца из далёких краёв. Поэтому на всякий случай отмечали праздники всех соседних королевств. Так сегодня была годовщина коронации кёнига Гебхерда из Буднии и день рождения принцессы Кэтрин из Таксякштадта.

В честь такого дня мастер Пилцманн дал ученикам выходной, но Баркли не горел желанием отмечать вместе со всеми. Конечно, ему хотелось попробовать праздничные угощения, но он понимал, что нельзя привлекать к себе внимание. Вдруг кто заметит метку.

Однако соблазн задержаться на главной улице был велик.

Празднования уже начались и сопровождались танцами: пары, взявшись под локти, подпрыгивали в такт задорной мелодии флейтистов и барабанщиков, играющих с балкона мэрии. По краям площади выстроились лотки с едой, завлекая Баркли ароматами яблок в тесте и картофельных оладий. В глазах рябило от пёстрых украшений: сине-золотые буднийские флаги конкурировали по яркости цветов с оранжево-чёрно-зелёными знамёнами Таксякштадта. Воздушных шаров, разумеется, не было – их запретили после той жуткой схватки между мистером Билке и его козлом в прошлом году. В число недавних жертв законодателей попали также соревнования по забегам в мешках и «классики». Но даже скованные бесчисленными правилами, жители Занудшира умели веселиться.

Баркли и сам не заметил, как забрёл в самый центр площади, продолжая пыхтеть под тяжестью «Подробной истории».

– Баркли? – позвал кто-то из-за спины, заставив его повернуться.

Селби махал ему из-за стола, сидя в окружении многочисленных братьев и сестёр. В руке у него была наполовину съеденная сосиска на палочке, и хотя это был не гриб, выражение лица у мальчика было такое, будто у него внезапно пропал аппетит.

– Ч-что ты здесь делаешь? – неловко спросил он.

Баркли с тоской глянул на один из лотков, жалея, что у него не было денег.

– Я просто проходил мимо.

Братья и сёстры Селби заулюлюкали. Баркли повернул голову к центру площади, где носили по кругу мужчину с очень светлыми волосами и очень розовой кожей.

– В чём дело? – удивился он.

– С-сегодня же день рождения кёнига…

– День коронации кёнига, – поправил Баркли, – и день рождения принцессы.

– Т-точно. Ну так вот, мэрия назначила награду самому многодетному родителю, и мой папа победил.

Баркли понимающе кивнул: у Селби было столько братьев и сестёр, что он, наверное, со счёту сбивался. Занудширский законодатель торжественно вручил мужчине огромный шмат ветчины.

– Ты почему так заикаешься? – перевёл взгляд Баркли на Селби, который заикался, только когда сильно нервничал.

– Я… – Мальчик порозовел почти до красноты. – Я волнуюсь из-за разбивания яблок и бросания молота. – Баркли ему посочувствовал: любые спортивные занятия тоже вызывали у него приступ паники. – Семья с наилучшими результатами получит настоящий приз.

Плечи Баркли разочарованно повисли. Он побывал на достаточном количестве фестивалей в Занудшире, чтобы знать, что сиротам, как он, в этих играх ничего не светило.

– И п-потому что мастер Пилцманн тебя ищет, – выпалил вдруг Селби.

– Да? – встрепенулся Баркли. – Он сказал, почему?

– Нет.

– Он выглядел сердитым?

– Нет.

– Я что-то не то сделал?

Селби в этот момент жадно откусил от сосиски и немедленно подавился. Откашлявшись – Баркли и одной из сестёр пришлось по очереди хлопать его по спине, – он проглотил прожёванное и выдавил:

– Мне нужно попить.

И умчался.

Баркли, оставшись в одиночестве посреди празднующей толпы, почувствовал себя ещё гаже, чем утром. Он не сомневался, что мастер Пилцманн хотел отругать его за вчерашнее поведение за ужином, а может, и выгнать из учеников, и тогда что он будет делать?

Не готовый посмотреть в глаза суровой реальности, Баркли отправился на мрачный погост, притулившийся под холмом за городской стеной. Перед воротами он невольно сбавил шаг при виде висящей над ними большой таблички:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАНУДШИР
НЕТ ЧУДИЩАМ
НЕТ КОЛДОВСТВУ
НЕТ ОТБРОСАМ

На западе простирались сплошной стеной серые деревья Леса. Баркли пошёл по тропе в противоположную сторону, не в силах побороть ощущение, что кто-то – или что-то – за ним наблюдает. Морозный ветер саднил кожу.

Франц и Алиса Торн были похоронены в соседних могилах в тени вяза. Баркли часто их навещал, обычно с книгой. Но сегодня он пришёл сюда не чтобы читать.

Сев на «Подробную историю», он наклонился к папиному надгробию и прошептал:

– Я совершил нечто ужасное. Я нарушил самое главное правило, и теперь мне страшно.

Баркли во всех подробностях рассказал родителям о случившемся в Лесу. Если впереди его ждала жизнь, полная лжи, это был его последний шанс излить душу.

Но если он надеялся, что признание избавит его от груза на сердце, то этого не произошло. Наоборот, стало только хуже. Его родителей убил Гравальдор, а их сын стал партнёром другого чудища из Леса. Лучше бы Баркли кончил в его желудке.

– Мне так жаль. Я бы что угодно отдал, чтобы вернуть всё так, как было. Если бы только…

Если бы только родители были рядом и могли ему помочь. Если бы только в его жизни были люди, которые любили бы его, несмотря на все выходки. Если бы только у него, как у Селби, был дом, куда он мог убежать, когда страшно.

Он скучал по ним. Так сильно скучал.

У Баркли не было друзей, к кому можно было бы обратиться за помощью, не считая мастера Пилцманна и миссис Гавенер, и за последние сутки он успел разочаровать обоих. Да и что они могли сделать? Едва ли им было известно о чудологах и чудищах больше, чем ему.

– Почему я чувствую себя здесь чужим? – спросил Баркли родителей.

Никто ему не ответил, только ветер продолжал завывать в ветвях вяза.

Вернувшись в город, Баркли направился прямиком к мастеру Пилцманну с твёрдым намерением попросить прощения. Празднующих прохожих он старательно обходил и не вынимал из кармана руку, сжимающую амулет. На душе было невыносимо одиноко.

– Что это ты такое тащишь? – привёл его в чувство громкий голос.

Баркли подпрыгнул, массивный труд по истории выскользнул из пальцев и бухнулся на землю. Он торопливо наклонился: пачкать новенькую книгу было жалко.

Подобрав её, он поднял глаза и похолодел, увидев не одного, а сразу трёх ребят. Полди, Марко и Фалк были на несколько лет старше его. Фалк, будучи самым крупным и жестоким из троицы, был заводилой, всегда носил плотные перчатки, идеальные для раздавания тумаков, и кожаные ботинки, идеальные для пинков.

Взгляд Баркли скользнул по улице, но она была пустынна, не считая их четверых. Что было очень нехорошо. Он бы дал стрекача, но быстро бежать с тяжёлой «Подробной историей» не представлялось возможным, а лишаться её тем более не хотелось. Сегодня он уже один раз расстроил миссис Гавенер, этого было более чем достаточно.

– Я спросил, что ты тащишь? – буркнул Фалк.

– Книгу, – коротко ответил Баркли. Ему хотелось добавить «Хотя они тебе наверняка незнакомы», но он прикусил язык, понимая, что в этот раз после колкости уже не сможет быстро удрать.

– Только посмотрите на эту громадину! И как такая щепка, как ты, не переломилась надвое? – Фалк со свитой шагнули к нему. – Считаешь себя лучше всех нас, раз читаешь такие книги? Думаешь, ты такой умный, но если бы у тебя правда были мозги, ты бы не кончил ничтожным грибным фермером.

Все эти оскорбления Баркли слышал не впервые, и дело было вовсе не в книге. Что бы он ни нёс, Фалк с дружками нашли бы предлог, чтобы придраться.

Поэтому он осторожно отступил и сказал:

– Я просто иду домой. Я не хочу с вами драться.

– Ну ещё бы. Ты боишься, зная, что я в этом лучше тебя.

Баркли и правда был хорош во многих вещах, но лишь потому что у него не было выбора. Иначе бы Занудшир не стал терпеть сироту, неисправимого нарушителя правил. Но именно за многочисленные успехи Фалк его не выносил, потому что единственным талантом главного задиры была его сила. О чём, стоит признать, Баркли регулярно ему напоминал.

– Н-неправда! – с трудом выговорил он и затем решил сделать то, чего ещё никогда не делал: похвалить Фалка. – Ты лучше меня во многих вещах, и я совсем не против. Например, ну, ты запросто ешь то, что я бы не смог. – Один раз он подменил обед Фалка помоями Густава, и Фалк всё съел. Даже на живот потом не жаловался. – Весьма выдающееся качество, если подумать.

Фалк прищурился, и Баркли тут же осознал свою оплошность: слово «выдающийся» было слишком длинным, а Баркли постоянно подтрунивал над бедным словарным запасом Фалка.

Фалк кивнул, и Полди прыгнул вперёд, заблокировав Баркли путь к отступлению. Одновременно с этим Марко пихнул его в спину, заставив снова уронить «Подробную историю».

– Эта штука, наверное, весит больше тебя? – Улыбка Фалка больше походила на оскал.

Баркли сглотнул и наклонился, чтобы поднять книгу, но Марко схватил его за пальто и вывернул ему руки за спину.

– Пусти меня! – задёргался Баркли, но без толку. Как и всегда.

Фалк подобрал книгу.

– Отдай, – прорычал Баркли.

– Хочешь, чтобы я её отдал? Ну…

Марко толкнул Баркли, заставив его бухнуться на колени и прижаться щекой к земле и камушкам. Полди придавил его, не давая пошевелиться.

Фалк поднял над ним «Подробную историю».

– Интересно, что будет, если я уроню её тебе на лицо? Только так, или ты её не получишь.

У Баркли мелькнула в голове идея позвать на помощь, но прошлые его попытки оборачивались лишь дополнительными зуботычинами и пинками. К тому же Фалка никогда не наказывали, ведь у Баркли не было родителей, которые бы могли этого потребовать. А мастер Пилцманн постоянно витал в своих грибных облаках и не обращал внимания на детские потасовки.

Баркли оставалось лишь зажмуриться и, слушая грохочущее в груди сердце, приготовиться к ослепляющей боли в сломанном носу.

Но в момент, когда Фалк отпустил книгу, по улице пронёсся внезапный порыв ветра, такой сильный, что все ставни с грохотом забились о рамы и стены.

Баркли услышал глухой стук и болезненный стон. Затем Марко отпустил его. Сев, он открыл глаза и увидел Фалка, лежащего на спине и держащегося за лицо. По его щеке текла струйка крови.

– Что это было? – спросил Марко.

– Ветер швырнул в него эту штуку! – ответил Полди.

– Не может быть…

– Я точно видел…

– Ар-р-ргх, – прокряхтел Фалк.

Воспользовавшись заминкой, Баркли вскочил и, бросив полный сожаления взгляд на «Подробную историю», рванул со всех ног прочь. В спину ему полетели возмущённые «Даже не думай!» и «Куда это ты собрался?!».

За секунду до того, как Баркли нырнул в празднующую толпу, он услышал позади вопль Фалка:

– Баркли Торн только что колдовал!

Глава 5

Баркли нырнул за прилавок с жареными закусками, запнулся о выступающий булыжник и на всей скорости влетел в мешок с картошкой. Недавно выкопанные корнеплоды покатились по нему, оставляя на руках и одежде грязные следы.

Но сейчас Баркли волновало кое-что посерьёзнее, чем правила Занудшира об опрятном внешнем виде.

Убедившись, что никто из празднующих его не видит, он спустил воротник, чтобы проверить извивающуюся метку. Её золотой цвет и не думал темнеть.

Внезапные порывы ветра просто так не подхватывают научные труды по истории и не швыряют их в задир.

Желудок Баркли болезненно сжался при воспоминании об обвинении Фалка: «Баркли Торн только что колдовал!» Фалк не мог похвастаться смекалкой, но в данном случае быстро додумался до правды – и ещё быстрее заявил о ней во всеуслышание. Все, находящиеся рядом, наверняка похолодели от ужаса: «Колдовство? В Занудшире?»

Борясь с попадавшими под ноги картофелинами, Баркли поднялся. Необходимо было что-то придумать, и быстро.

Но что, если он не заслуживал прощения? Он ведь не просто колдовал – он навредил другому. И неважно, что Фалк собирался сломать ему нос. Баркли так беспокоился, как бы чудище не высвободилось из метки, что у него и мысли не возникло о том, что теперь он сам представлял не меньшую опасность для окружающих.

Возможно, ему стоило покинуть город. Убежать в Лес и никогда не возвращаться. Бросить всё. Не то чтобы это «всё» было таким значительным: ноль друзей, один учитель и две могилы.

И всё же здесь был его дом.

Баркли глубоко вздохнул и вышел из-за прилавка, только чтобы оказаться лицом к лицу с Полди.

– Вот он! – заорал тот, и Баркли застыл как испуганный олень и отмер, лишь когда Полди прыгнул на него.

Баркли рванул изо всех сил и готов был поклясться, что бежит так же быстро, как тогда в Лесу. Его ноги едва касались земли, и он совершенно не контролировал, куда несётся, запинался о прилавки, врезался в танцующих и сбивал как кегли бочки с пивом и яблочным соком.

– Эй! М-мальчик! – ужаснулась миссис Краус при виде посыпавшихся с прилавка луковиц и морковок.

– Бегать запрещено! – возмутился мистер Джагер, законодатель, как раз вручавший следующему отцу кусок ветчины за второе место.

– Баркли Торн! – позвал пекарь.

Но Баркли никого не слышал, все его мысли были о том, как удрать от Полди. Но затем он обогнул участок площади, где проходили соревнования по бросанию молота – пригибаясь, чтобы не получить по голове тяжёлым снарядом, – и столкнулся с Марко. Вдвоём они рухнули в стог сена.

Баркли пришёл в себя первым. Вскочив, он развёл руки в стороны, отгораживаясь от Марко перед собой и нагнавшего его сзади Полди, и прохрипел:

– Я всё могу объяснить.

– Тебе нас не обмануть, – прорычал Марко. – Мы всё видели!

Оба мальчика шагнули к нему, и тут же по площади пронеслись два порыва ветра, подхватили Марко и Полди и отшвырнули их футов на десять в сторону.

Праздничная музыка оборвалась на визгливой ноте под изумлённое аханье. Миссис Краус закричала и закрыла рот ладонями.

– Вы это видели? – прошептал кто-то в толпе.

– Он их пальцем не тронул, – простонала миссис Краус и принялась обмахиваться.

– Колдовство? – предположил кто-то позади неё.

Вскоре уже все жители Занудшира обратили на Баркли одинаковый подозрительный взгляд.

Лицо Баркли залилось краской. Он судорожно пытался придумать, как бы половчее солгать, но дыхание в горле перехватило. Мальчик попятился, испуганный раскрытием своего секрета, а больше всего – появлением в нём необыкновенной силы, которую он не мог контролировать.

– Я не… – просипел он. – Я не хотел…

В его душе бушевал ураган, и будто перекликаясь с ним, по площади снова закружил ветер, сметая к ногам Баркли валяющиеся на земле газеты и солому.

– Нет, – прошептал он, желая только одного: чтобы всё это прекратилось. Но эта сила была дикой и не собиралась его слушаться.

Пекарь, полный мужчина с тёмно-коричневой кожей и в испачканном мукой фартуке, вышел вперёд и схватил Баркли за плечо. Тот вырвался, частично из-за боли в ране, но ещё и из страха, что о его метке узнают.

В ответ на это ветры задули сильнее, пока не образовали воронку с застывшим истуканом Баркли в центре. Люди вокруг принялись кричать. Кто-то бросился бежать. Все флаги Буднии и Таксякштадта сорвало. Рассыпавшиеся по земле картофелины и яблочные чипсы засвистели в воздухе снарядами. Мистер Джагер завизжал, когда его впечатляющих размеров кудрявый парик взмыл в небо неясытью.

И, будто этого было мало, по воздуху разнёсся оглушительный механический стон. Баркли развернулся и, сощурившись, чтобы уберечь глаза от хлещущего ветра, с ужасом увидел, как и без того покосившийся деревянный циферблат сорвался с городской башни и с леденящим душу хрустом рухнул на землю, расколовшись надвое.

Лишь тогда ветры стихли, явив руины на месте праздничной площади. Посреди них стоял Баркли, съёжившись, обхватив руками голову и содрогаясь всем телом.

Марко среагировал первым. Подскочив к Баркли, он схватил его за пальто, рывком поставил на ноги и с гордостью возвестил:

– Я его поймал!

– Не трогай его! – предупредил подошедший со спины Фалк. Смотреть на него было больно: весь его нос и подбородок были в запёкшейся крови. – Он опасен!

Ещё недавно Баркли был для них не страшнее муравья, но сейчас Марко немедленно разжал пальцы, будто боялся обжечься.

– Мальчики, что тут происходит? – ошарашенно спросил мистер Джагер, сверкая лысиной на полуденном солнце. Его взгляд скользнул по сломанному носу Фалка и порванному

фартуку пекаря и упёрся в Баркли, всего с ног до головы перепачканного в земле, с всклокоченными волосами и одеждой, засыпанной соломой и мусором. Наконец его взор обратился к часовой башне, пострадавшей сейчас ещё сильнее, чем во время атаки Гравальдора.

– Баркли – чудолог, сэр! – объявил Фалк.

– У тебя есть что сказать в своё оправдание, Баркли? – обратился к нему мистер Джагер.

Баркли покраснел до ушей.

– Я…

Его глаза заметались по толпе в поисках дружеского лица, но Селби и его родных нигде не было.

Вперёд вышла миссис Гавенер. Ветры заметно взлохматили ей волосы и сорвали с рук пару рукавиц.

– Уверена, это какая-то ошибка. Баркли – обычный мальчик.

– Но взгляните на него, – взволнованно вмешалась миссис Краус, не отнимая ладони от сердца. – Разве он не выглядит несколько… диким?

Толпа загудела многоголосым спором, и как бы Баркли ни хотелось заявить, что это всё чистой воды недоразумение, у него язык не поворачивался. Они были вправе его бояться. Он был опасен и неуправляем.

– Бросим его в реку! – предложил кто-то. – Чудологи не всплывают!

– Будь у него родители… – пробормотала миссис Краус.

– Только не говорите, что вы правда верите в эту чушь! – возмутилась миссис Гавенер.

– Но это правда! – перекричал гул чей-то зычный голос, и все повернулись. К ним решительным шагом направлялся мэр, строгого вида мужчина едва ли намного выше Баркли, таща за собой за запястье Селби в сопровождении его родителей. – Этот мальчик всё мне рассказал! Баркли стал партнёром чудища из Леса!

Селби в голос разрыдался.

«Он признался родителям», – догадался Баркли. Неудивительно, что утром Селби был таким дёрганым. Он нарушил обещание.

Но Баркли не сердился на него. Даже если бы Селби не выболтал его секрет, Баркли успел собственноручно разрушить себе жизнь.

– Властью, данной мне, и следуя главному правилу жителей Занудшира, – объявил мэр, – я признаю тебя, Баркли Торн, виновным в…

Но Баркли не стал дослушивать вердикт. Разрушения, обращённые на него взгляды, полные ужаса, – всё это было слишком. Нарушив ещё одно правило, он сорвался с места и побежал так быстро, что никто не мог его догнать. И не останавливался, пока не распахнул входную дверь дома мастера Пилцманна.

– Мне нужна ваша помощь, – едва не плача, прохрипел Баркли. – Я побежал за Селби в Лес, и там кое-что случилось, и теперь я чудолог, и…

Он осёкся на полуслове. Мастер Пилцманн с мрачным выражением лица стоял рядом с Густавом. В руках у него была дорожная сумка. Явно не пустая.

– Я знаю, мальчик мой. Мэр и семья Селби недавно были здесь. – Он сунул сумку Баркли. – Ты должен уйти и никогда не возвращаться.

Глава 6

– Уй-уйти? – заикаясь, переспросил Баркли. Сумка выпала из его рук, и по полу рассыпались одежда и банки. – Я ведь не специально! Неужели нет способа… Должен был способ, как отменить это колдовство!

– Я его не знаю, и колдовство у нас запрещено. Таково правило, исключений быть не может.

Эти суровые слова хоть и были произнесены с сочувствием, всё равно поразили Баркли до глубины души. Занудшир был его домом, а мастер Пилцманн успел стать ему первым почти родным человеком за долгие годы одиночества.

Но «почти» не считается.

– Не заставляйте меня, – взмолился Баркли, пока учитель запихивал назад в сумку выпавшие из неё вещи. – Я не хотел ранить Фалка. И часовую башню можно починить, верно?

– Часовую башню? – резким тоном повторил мастер Пилцманн.

Сгорая со стыда, Баркли рассказал о случившемся на празднике.

Учитель покачал головой:

– Если бы Селби пришёл сначала ко мне, я бы мог… – Его лицо огорчённо вытянулось. – Ну, признаться, не знаю, что я бы мог сделать, но сейчас я уже совершенно точно ничего не могу. После того как родители Селби о тебе заявили, мэр отправился прямиком сюда. И теперь он уж точно не передумает. Законы о колдовстве… очень жёсткие, как ни печально.

Внезапно Баркли осенило, что мастер Пилцманн его не прогонял.

Он пытался его спасти.

– Ты не виноват, – ласково сказал учитель.

– Тогда почему они хотят, чтобы я ушёл?! – закричал Баркли.

То он никогда не повышал на учителя голос, то всего за пару суток сделал это дважды. Но его переполняла безысходность от понимания, что он обречён.

– Я должен жить здесь, – зашептал Баркли. – И чтобы потом мои дети тоже здесь жили. Как мои родители, и их родители, и…

– Ты никому ничего не должен, – прервал его мастер Пилцманн. Затянув ворот сумки, он закинул лямки на дрожащие плечи Баркли. – Знаешь, почему на самом деле я отказывался брать тебя в ученики?

– Потому что я сирота и постоянно нарушаю правила?

Взгляд учителя потеплел.

– Я отказывал тебе, потому что это не твоя стезя. Ты думаешь, что обязан жить в Занудшире, потому что именно такой была бы твоя жизнь, если бы твои родители не умерли. Но тебе совсем не обязательно повторять их судьбу, чтобы почтить их память. Я не сомневаюсь, что они гордились бы тобой в любом случае, но предпочли бы, чтобы ты избрал свой путь.

Словно в ответ, в окно подул ветер, принёсший запахи земли и сосен – как в Лесу. У Баркли мурашки побежали по коже.

– А вдруг меня поймают? – спросил он, отвернувшись к окну, что смотрело в центр города.

Мастер Пилцманн побледнел.

– Не думай об этом.

– Но я даже не знаю, куда мне идти.

Ближайший город дальше по дороге ничем не отличался от Занудшира, как и все последующие. Оставался лишь один вариант.

Лес.

– Слушай своё сердце, и ноги приведут тебя, куда следует. – Мастер Пилцманн подтолкнул его к двери. – А теперь тебе пора. Ты должен торопиться, иначе…

Он оборвал себя на полуслове, когда Баркли обвил его руками и крепко обнял.

– Я буду по вам скучать, – прохрипел он.

– Я тоже, мальчик мой, – с дрожью в голосе ответил учитель.

Дождавшись, когда Баркли неохотно его отпустит, мастер Пилцманн открыл дверь. К их ужасу, к дому уже направлялась разъярённая толпа. Среди них были все знакомые лица: мэр, мистер Джагер, другие фермеры.

От факелов в их руках по воздуху стелился чёрный дым.

– Беги! – призвал мастер Пилцманн.

У Баркли не осталось времени даже на то, чтобы взглянуть на него в последний раз. Он сорвался с места.

Ни рана на плече, ни тяжёлая сумка не сказались на его скорости. Ветер усердно подгонял его в спину, совсем как тогда, в Лесу. Он пробежал по главной улице, пересёк мост через реку и поля капусты, и овечьи пастбища. За считаные минуты он превратился в далёкую точку, быстро удаляющуюся от чёрной кляксы Занудшира на фоне серого зимнего пейзажа.

В этот раз, когда он забежал в Лес, деревья встретили его как радушные хозяева. Их ветки распрямились, пропуская его, а затем сплелись непроходимой стеной, отрезая Баркли от возможных преследователей.

Пара секунд, и он уже не смог бы сказать, где заканчивалась опушка и начинался Лес.

Лишь тогда, оказавшись посреди тёмных искорёженных стволов и зловещего тумана, он без сил привалился к дереву и спрятал лицо в ладонях.

Вся его жизнь пошла под откос.

Сколько Баркли так просидел, не сдвигаясь с места, сказать было сложно. Затем он перекусил грибами и орехами, заботливо сложенными в сумку мастером Пилцманном. Поплакал немного – чего он уже очень давно не делал, с тех пор, как был ещё младше Селби. Затем достал из сумки тетрадь и нарисовал карту известного ему мира. На ней был Занудшир, несколько точек, обозначающих города Таксякштадта, крест внизу, где вроде бы должна была быть столица Буднии. Почти всё остальное пространство оказалось закрашено – то был Лес.

Целый мир, и нигде для него не было места.

– Ты опять пришёл за грибами? – раздался вдруг голос.

Подняв голову, Баркли увидел перед собой вчерашнюю девочку с Митзи на плече.

– А что, похоже, что я собираю грибы? Уходи. Я не хочу с тобой разговаривать. Это всё ты виновата.

Она бросила сочувствующий взгляд на дорожную сумку.

– Что случилось?

– А ты как думаешь? – Он невольно сжал кулаки, забыв, что держит карту. – Чудище заставило меня колдовать, и всё вышло из-под контроля! Потому что я… – Он сглотнул. – Потому что я опасен.

– Вспышки силы – нормальное явление в начале партнёрства. Но не волнуйся, больше это не должно повториться. Хотя в твоём случае уже поздно. – Она вздохнула. – Ничего бы этого не было, если бы ты не попытался мне помешать.

– Если бы я тебе не помешал, ты бы натравила Гравальдора на город.

– Жители которого тебя прогнали. Так себе благодарность, ты не находишь? – Она присела на корточки. Её бесчисленные золотые значки и украшения замерцали в тусклом солнечном свете. – И куда ты теперь собираешься?

– Не твоего ума дело.

– Я лишь пытаюсь тебе помочь. Грубить необязательно.

– Мне не нужна помощь чудолога. И уж точно не твоя.

Она ухмыльнулась.

– Ничего, что с этой меткой ты теперь тоже чудолог?

– А вот и нет. Я найду способ, как от неё избавиться, и вернусь домой.

Стоило этим словам сорваться с языка, как Баркли поверил в их истинность. Неважно, что считал мастер Пилцманн. Это был его путь. Да, возможно, он отправится в путешествие до столицы или обойдёт весь мир, но в конце концов вернётся домой, и всё будет так, как должно быть.

Девочка выдернула из его рук карту и окинула её жалостливым взглядом.

– И где ты надеешься это сделать? Здесь? – указала она на столицу Буднии. – Там тебе никто не поможет. Никто не захочет тебе помогать. Если ты ищешь ответы, найти ты их сможешь лишь в городе чудологов в сердце Леса. Отсюда до него всего четыре дня пути.

– Я не пойду в город, кишащий чудологами, – прошипел Баркли.

– Если твоя проблема связана с магией, то лишь магия поможет её решить. И потом, я сама туда собираюсь. Мне всё ещё нужно поймать Гравальдора, но у меня закончились ингредиенты. Можешь составить мне компанию.

– Я не…

– Или можешь шататься по всем поселениям подряд, чтобы тебя оттуда прогоняли. Потому что тебя ждёт именно это. Вилы и закрытые двери. И никаких ответов. – Она отдала ему карту. – Выбор за тобой.

Баркли заколебался. Трудно было сказать, сколько правды было в её словах, но перспектива снова спасаться бегством от вил пугала… почти так же сильно, как оказаться в полном одиночестве.

– Ладно, – недовольно согласился он. – Я пойду с тобой.

– Отлично, потому что в одиночку путешествовать по Лесу опасно, даже с чудищем. – Она протянула ему руку, чтобы помочь подняться, но он проигнорировал её и встал сам. – Меня зовут Виола Дюмон. С Митзи ты уже знаком. – Митзи пискнула. – При условии, что нас не сожрут по дороге, – продолжила Виола, – мы с тобой доберёмся до ближайшего магического города, и ты сможешь вернуться к своим жалким грибам ещё до первой оттепели.

Глава 7

Чем дальше в Лес они углублялись, тем страшнее он становился.

На смену серым кривым деревьям пришли другие: со стволами, ощетинившимися длинными, как кинжалы, колючками и наростами на коре, похожими на почти человеческие лица. Узловатые корни, выглядывающие из-под тонкого слоя первого снега, напоминали Баркли торчащие из могил разлагающиеся руки. Над головой каркали вороны, будто призывали его повернуть и броситься наутёк.

Они устроились на ночлег. Пока Виола собирала хворост, Баркли ёжился и не выпускал из руки амулет.

Он ожидал, что она начнёт тереть сучки и так разожжёт огонь, но вместо этого она стиснула их в кулаке, так что костяшки пальцев побелели, и уставилась на них, не мигая. Внезапно между её пальцами полился красный свет. Посыпались искры, и сучки вспыхнули ярким пламенем.

Баркли скорчил гримасу.

– Этот огонь тебя не обжигает, – заметил он скорее с отвращением, чем с восторгом.

– Это мой огонь, – ответила Виола таким тоном, словно это была достаточная причина, чтобы игнорировать законы природы.

– А это мой нож. – Баркли помахал в воздухе маленьким клинком, которым срезал особенно твёрдые грибы. – Но я всё равно могу им пораниться.

– Ты хочешь пораниться собственным ножом? Как-то это не очень разумно.

– Нет, я имею в виду…

– Это магия. Ну, или колдовство, но раз мы идём в Сикомор, город, кишащий чудологами, тебе пора привыкать называть такие вещи правильно и начинать разговаривать как чудолог. А не как рождённый в бесполеземском городе.

– Но я родился в городе, – с гордостью возразил Баркли. Пусть он и не знал, что значит «бесполеземский».

– И в твоём городе, как и в большинстве других, чудологов не жалуют, верно? – красноречиво посмотрела на него Виола. – Ты сам ненавидишь магию. Ненавидишь чудологов. Как думаешь, с таким отношением много чудологов захотят тебе помочь? Не все они такие же добросердечные, как я, к твоему сведению.

– Добросердечные? Это из-за тебя я здесь!

Вместо ответа на обвинение, она занялась установкой над костром ветки с нанизанными на неё грибами – добыча Баркли – и кусками зайчатины – вклад в ужин Виолы.

– Мне просто кажется, что тебе же будет лучше, если ты больше узнаешь о чудологах, прежде чем явишься в Сикомор и начнёшь предъявлять требования направо и налево.

Баркли никогда ни к кому требований не предъявлял. Ну, разве что к Селби, но тому было положено его слушаться.

– Я схожу за водой, – буркнул он и, схватив фляжки, быстрым шагом спустился к реке.

Митзи последовала за ним, бросая на него из-за кустов колкие взгляды. Баркли подавил нарастающую панику. Может, Виоле он и не слишком нравился, но она же не позволит чудищу его убить, верно?

Затем Митзи завиляла задом, прыгнула на шишку и, повалившись на спину, принялась её грызть, словно котёнок. Баркли почти устыдился своего страха. С другой стороны, Митзи всё-таки была драконом.

Пока он наполнял фляжки, налетел ветер и встряхнул кронами, осыпав его целым облаком листьев. С одной стороны они выглядели обыкновенными листьями, разве что фиолетовыми. Но с другой у них были чёрные глаза-бусинки и сотни тоненьких ножек, а на месте черенка был вытянутый, как у пиявки, рот.

Баркли завизжал и замахал руками, отбиваясь от кружащих вокруг жутких листьев. Митзи, напуганная его воплем, умчалась назад к своему чудологу.

– Что такое? – крикнула с вершины холма Виола. – Ты Митзи напугал.

Баркли взлетел вверх по склону и спрятался за девочкой.

– Те листья на самом деле чудища!

– Да, это кэферзафты, по-другому «живичные жуки», и они совершенно безобидны.

– Не бывает безобидных чудищ.

– Бывает. – Виола отцепила от своего плеча руку Баркли и заставила его сесть. – Именно поэтому тебе нужно учиться. Ты ничего не знаешь и поэтому до сих пор подозреваешь, что каждый листочек, сучок и стебелёк хочет тебя убить.

– Не буду, – буркнул он, с подозрением всматриваясь в сухие коричневые листья вокруг себя.

Виола закатила глаза. Затем сняла с ветки жареный гриб и протянула его на ладони Митзи. Пока та ела, девочка почёсывала ей макушку, как домашней кошке или щенку.

– Существует пять классов чудищ, – начала Виола. – Принадлежность к тому или иному классу говорит о силе конкретного чудища и его редкости. Кэферзафты входят в низший, начальный класс. Они обладают зачатками магии, но недостаточными даже для того, чтобы стать партнёром чудологу. Но от них тоже есть польза. Сок дерева кэферзафта используется для приготовления многих эликсиров, например, хамельонного лосьона и рогодятловой сыворотки.

Безобидны эти листья или нет, Баркли до сих пор передёргивало от воспоминания об их тоненьких членистоногих лапках.

– На, – протянула ему гриб Виола. – Можешь сам её покормить, если хочешь.

Баркли категорически не хотел, но Митзи, завидев угощение, уже бежала к его ноге. Уж лучше он скормит ей гриб, чем свой палец.

Затаив дыхание, он дождался, пока она не закончит есть, затем торопливо осмотрел ладонь, боясь, что та внезапно покроется чешуёй или воспалится.

– Видишь, ты ей нравишься, – сказала Виола, когда Митзи обмахнула ногу Баркли перьями на хвосте. – Но тут нет ничего особенного. Ей все нравятся.

Баркли едва-едва не наклонился и не погладил Митзи по голове, но та внезапно рыгнула и оплевала их ботинки пережёванными грибами.

– Теперь ты должен это съесть, – на полном серьёзе заявила Виола.

– Ч-что? – ужаснулся Баркли.

Виола посмотрела ему в глаза.

– Хочешь, чтобы она съела тебя?

Ведомый страхом, он уже собрался подобрать грибную массу, когда Виола захохотала.

– Прости, я просто… Я не думала, что ты правда это сделаешь, – объяснила она, вытирая навернувшиеся слёзы. – Сколько раз мне ещё тебе повторить, что Митзи не станет тебя есть?

– Она дракон, – пробурчал Баркли, стряхивая с ботинок грязь. – Что ещё мне прикажешь думать?

Митзи взобралась Виоле на плечо и ткнулась носом в золотые значки, что выглядело совсем не по-драконьи. Виола, почёсывая ей шею, усмехнулась.

Баркли нахмурился. Ему было непривычно и неприятно чего-то не знать.

– Так к какому классу относится Митзи? – спросил он.

– Не гони лошадей. Есть ещё второй класс, класс компаньонов. С ними чаще всего вступают в партнёрство. Они обладают небольшой силой, и их очень легко контролировать. Они есть у большинства учеников Гильдии. – Виола начала отсчитывать на пальцах, и Митзи, привлечённая движением, спустилась по её руке и попыталась их пожевать. – Митзи относится к третьему, основному классу. Найти её было не так легко, но когда вырастет, она будет очень сильной.

– Что ещё за ученики? – спросил Баркли.

– Если ты становишься партнёром чудища, это автоматически делает тебя чудологом, но самые уважаемые чудологи в большинстве случаев работают на Гильдию. И начинают они в ней в качестве учеников. Мастера берут себе не больше трёх. Обычно учениками становятся в возрасте от десяти до двенадцати лет.

Баркли нахмурился.

– А тебе сколько?

Виола отвела глаза и кашлянула.

– Ну так вот, четвёртый класс – это мифический класс. Чрезвычайно редкие чудища, которых крайне сложно найти. Даже не у всех мастеров Гильдии они есть. Они очень, очень могущественные. Кто-то назовёт их монстрами и будет не так уж не прав. – Она встретилась с Баркли взглядом и серьёзно добавила: – Твоё чудище, люфтхунд, или иначе «воздушный пёс», относится к мифическому классу.

– Что? – не поверил своим ушам Баркли. Вот ещё одна причина, чтобы как можно скорее от него избавиться! Могущественные монстры? Спасибо, не надо!

Виола, не глядя на него, провернула ветку над костром.

– А теперь представь, каково мне. Мне стольких трудов стоило найти все ингредиенты для ловушки. Я искала их с самого лета! Не считая дня середины зимы, это был мой единственный шанс, и пусть я ошиблась и призвала не то чудище, мы всё равно могли стать партнёрами. Но ты мне помешал.

– Ещё раз говорю, я этого не хотел! Это чудище решило стать моим партнёром!

– А я ещё раз говорю, что так не бывает. Чудища партнёрства не заключают, только чудологи. Ты собираешь нужные ингредиенты, чтобы приманить чудище, а когда оно оказывается в ловушке, касаешься его, и… тебя будто прошивает разряд. И всё – связь установлена.

Но с ним было не так. Может, Виола только думала, что много знает о чудищах.

– А если чудище не хочет становиться твоим партнёром? – спросил Баркли.

– У них нет выбора.

– Ну, тогда понятно, почему они постоянно его разрывают. Потому что это как-то не очень честно.

Виола разинула рот.

– Это… это происходит крайне редко! Ты не знаешь, о чём говоришь! Чудища – партнёры от природы! Их магия предназначена для этого! Партнёрство делает их сильнее, от него выигрывают не только чудологи, поэтому эта практика существует уже многие столетия! И стоит тебе завоевать доверие своего чудища…

Митзи внезапно чихнула. Из её пасти вырвался пучок яркого света, и маленького дракона отбросило отдачей в снег. Но её это не смутило: она тут же перевернулась назад на лапы и принялась жевать свой хвост.

– Зачем я вообще с тобой спорю, – вздохнула Виола. – Любой мастер Леса был бы счастлив получить такого ученика, как ты, а ты только и мечтаешь, как бы избавиться от своего мифического чудища.

– Это должно было меня подбодрить? – сухо спросил Баркли.

Она смерила его уничижительным взглядом.

Но пусть Баркли и винил её в своём нынешнем плачевном положении, ему всё же стало её немного жаль. Он знал, каково это – выкладываться ради чего-то и не получать никакой награды за труды. Это было очень обидно и горько.

Поэтому он решил сменить тему:

– Ты сказала, что классов пять. Какой пятый?

– Легендарный, класс самых могущественных и свирепых чудищ в мире. Их всего шесть. Об одном ты уже знаешь.

– Гравальдор, – прошептал Баркли и содрогнулся. – И человек на самом деле может стать ему партнёром?

– В прошлом такое бывало. Давно, правда, с последнего раза прошло, наверное, несколько столетий.

– Но ты всё равно пытаешься его поймать. С чего ты взяла, что у тебя получится?

– Дело не в том, смогу я или нет. Я должна.

– Но это же…

– Слушай, я, вообще-то, пытаюсь тебе помочь, а ты мне грубишь! – вспылила она. И поморщилась. – А ещё от тебя воняет.

Баркли так удивился её вспышке, что даже не расстроился. Хотя немного обиделся. «Какие мы ранимые», – сказал бы про неё мастер Пилцманн. Не говоря уже о том – он понюхал подмышки, – что пахло от него вполне сносно.

Развернувшись, он отошёл и сел у огромного дерева, ёжась от страшного холода. До Сикомора было ещё три дня пути. А компанию ему в этом путешествии составляла главная виновница его незавидного положения. Сущий кошмар, а не обещанное мастером Пилцманном приключение.

Сверху послышался громкий стон. Баркли вскочил, но не увидел на дереве ничего подозрительного.

Плечо кольнуло.

– Ай! – Он отодвинул воротник пальто, проверяя, не открылась ли рана. Она была в порядке, а вот люфтхунд, до того без конца кружащий вдоль границы марки, застыл, будто прислушивался.

Снова раздался тот же звук, напомнивший Баркли храп учителя – горловой и раскатистый.

– Что это было? – спросила Виола, остановившись в нескольких ярдах от него.

– Не знаю, – ответил Баркли. Сердце дико заколотилось, метка с каждой секундой ныла всё больнее. Они так долго шли по Лесу, что он почти забыл о таящихся здесь всевозможных смертельных опасностях.

Внезапно земля под ногами затряслась, и из неё полезли корни. Дерево, перед которым сидел Баркли, наклонилось, и стало ясно, что тот звук издавал ствол. Он изворачивался и изгибался, и чем дольше Баркли смотрел на него, тем сильнее его кора напоминала чешую.

Корни, извиваясь, втянулись назад, а затем в облаке камней и комков из земли что-то выскочило. Баркли и Виола, кашляя, отпрянули, спасаясь от корней, шипящих и хлещущих по воздуху, как гигантские языки.

Когда поднятая пыль немного улеглась, на них смотрели, сощурившись, два горящих оранжевых глаза.

Дерево оказалось никаким не деревом.

Это было чудище.

Глава 8

В библиотечных книгах герои всегда объявлялись в нужный момент. Злодеи не были безнадёжно злодейскими. Чудовища не были абсолютно чудовищными. А дух героя был непоколебим и преисполнен отваги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.